

СЕРИЯ 8. «МОЩЕВАЯ ЭПОПЕЯ»

СЦЕНА 1. ХАРЬКОВ. ЗДАНИЕ ЧК, КАБИНЕТ СТЕПАНА САЕНКО.

29-е марта 1919-го года.

За столом по-прежнему сидят СТЕПАН САЕНКО, ПАВЕЛ КИН и матрос КОЛЯДУН.

МАТРОС КОЛЯДУН (обращается к Саенко). *Стёп, я ж по делу пришёл, а ты – пей, да пей... Вот чего я сказать-то хотел: в лагере сговор объявился, чтобы перебить тебя, меня – всех.*

СТЕПАН САЕНКО (вскакивая из-за стола). *Так что ж ты молчал, гад! Откуда знаешь?*

МАТРОС КОЛЯДУН. *Сахарозаводчик там сидит, Крупецкий. Так вот он ко мне подходит и говорит: отпусти – кой чего скажу. А я ему: говори – отпущу. Ну вот... Тут он ждёт, этот заводчик.*

СТЕПАН САЕНКО. *Тащи, давай!*

Колядун выходит.

Харьков. Кабинет Саенко, каким он его оставил, успев сбежать перед приходом Белой армии. Здесь были найден последний список казнённых.

СЦЕНА 2. ХАРЬКОВ, УЛИЦА ЧАЙКОВСКОГО. ДВОР КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЛАГЕРЯ. Тот же день.

Сумерки. Двор огорожен забором. Сзади видно серое каменное двухэтажное здание лагеря. В левом углу двора КОРНЕТ ПАНЧУЛИДЗЕВ и ШТАТСКИЙ ГОСПОДИН копают глубокую яму, едва видны их головы. Рядом ШТАБС-РОТМИСТР ИВАВНОВ и ПОРУЧИК КОКУНЬКО начинают копать другую яму. Все в изодранной одежде. На лице Кокунько видны следы побоев, на щеке Иванова свежий длинный порез. На некотором расстоянии от них на ящиках сидят ДВА БОЙЦА комендантского отряда, лузгают семечки; винтовки с примкнутыми штыками прислонены к ящикам.

1-й БОЕЦ. *Рой, контры, не отлынивай, рой.*

2-й БОЕЦ (смеётся). *Не для дяди стараитесь – для себя ж постелю стелити.*

1-й БОЕЦ. *Глубже взроешь, мягче ляжешь.*

Оба бойца смеются. Панчулидзе в очередной раз ударяет лопатой, раздаётся звук железа о железо.

Раскопки одной из братских могил у здания харьковской ЧК на ул. Чайковского, 16. 2-я половина 1919-го года.

ПАНЧУЛИДЗЕВ (выглядывает из ямы и обращается к 1-му бойцу). *Дорогой, дальше копать невозможно, там что-то зарыто.*

1-й БОЕЦ (беря винтовку). *Чего ещё?*

ПАНЧУЛИДЗЕВ. *Зарыто что-то, говорю.*

(Ещё раз ударяет лопатой.)

Железное.

1-й БОЕЦ (2-му бойцу). *Слышь, Митяй, поди, посмотри. Может, клад какой... Здесь, говорят, купец богатый при царе жил.*

2-й боец с винтовкой в руках подходит к яме, осторожно заглядывает в неё.

2-й БОЕЦ. *И впрямь что-то блестит.*

(Панчулидзеву.)

Давай его сюда.

ПАНЧУЛИДЗЕВ. *Оно тяжёлое, не поднять.*

2-й БОЕЦ (Иванову и Кокунько). *А ну-ка, прыгай все и тащи.*

Иванов и Кокунько подходят к яме.

КОКУНЬКО. *Мы полезем, а ты всех нас зараз и засыплешь.*

2-й БОЕЦ. *Я вас так и так засыплю, разница не великая. Лезь!*

ИВАНОВ (заглядывая в яму). *Похоже на золото...*

1-й боец вскакивает, направляется к яме, заглядывает. Иванов со всей силы бьёт его ребром лопаты по голове. Кокунько – 2-го бойца. Оба красноармейца падают в яму. Оттуда раздаётся крик штатского господина, высовывается его голова. Панчулидзев зажимает ему рот. Иванов и Кокунько подают руки Панчулидзеву и штатскому, вытаскивают наверх. Костюм штатского забрызган кровью. Иванов и Кокунько хватают винтовки бойцов и штыками добивают лежащих в яме.

ИВАНОВ (оглядывается на лагерь). *Кажется, там всё спокойно. Потихонечку проникаем в здание, снимаем остальных чекистов, выпускаем наших. Потом, как договорились: вы организуете постепенный выход, а я к мостику – буду прикрывать с фронта. Шапки наголо!*

ШТАТСКИЙ ГОСПОДИН (пытаясь оттереть кровь на костюме). *Я никуда не побегу! И так вы уже втравили меня в этот кошмар!*

КОКУНЬКО. *Это не кошмар, кошмар будет, когда Саенка перчатки сделает из твоей кожи.*

ШТАТСКИЙ ГОСПОДИН (указывая на яму). *Вы сами такие же убийцы, как они!*

ПАНЧУЛИДЗЕВ. *Такие, да не такие. Вы, господин хороший, до сих пор ничего ещё не поняли...*

ИВАНОВ. *Хватит разговоры разговаривать! Никто никого не неволит: пусть сидит, как гусь перед убоем. Пошли! Шашки наголо!*

Все тихо продвигаются к зданию лагеря.

СЦЕНА 3. ХАРЬКОВ. ЗДАНИЕ ЧК, КАБИНЕТ СТЕПАНА САЕНКО

За столом сидят СТЕПАН САЕНКО и ПАВЕЛ КИН. Матрос КОЛЯДУН вводит сахарозаводчика КРУПЕЦКОГО, а сам садится за стол.

Комендант Харькова большевик
Павел Андреевич КИН (1882–1943).

СТЕПАН САЕНКО. *Ну рассказывай, мил человек, но не ври.*

КРУПЕЦКИЙ. *Всё, как на духу, расскажу, только отпустите. И грóшей дам.*

СТЕПАН САЕНКО. *О грóшах мы опосля побалакаем. А отпустить – отпустим. Зачем ты нам?*

ПАВЕЛ КИН. *Ведь ты же сюда совершенно случайно попал, верно?*

КРУПЕЦКИЙ. *Верно, верно, совершенно случайно.*

СТЕПАН САЕНКО. *Вот вишь! Говори давай – и сразу отпустим.*

КРУПЕЦКИЙ. *В точности всё не знаю. Но кое-что слышал.*

ПАВЕЛ КИН. *Не мнись, сказывай, что слышал!*

КРУПЕЦКИЙ. *Там грузинец такой молоденький есть, офицер, Жоржем зовут. Так вот он другому офицеру шептал кое-что. Поблизости от меня было, я слышал.*

СТЕПАН САЕНКО. *Давай, не тяни.*

КРУПЕЦКИЙ. *Говорил, мол, его и ещё двоих в лагерь специально заслали, бунт чтобы устроить, всех чекистов, то есть вас, перебить. Вот как оно...*

ПАВЕЛ КИН. *Дальше!*

КРУПЕЦКИЙ. *А другие говорят, что подкоп они уже сделали и орудие, кажись, затащили.*

КОЛЯДУН. *Прям орудию!*

КРУПЕЦКИЙ. *Ну, орудие – не орудие, а шоцэ такэ есть.*

СТЕПАН САЕНКО. *Ладно, разберёмся. Так что ты там про грóши гутарил?*

КРУПЕЦКИЙ. *У меня немного, но всё до копейки отдам, жена принесёт!*

СТЕПАН САЕНКО. *Немного не пойдёт. Пятьдесят тыщ!*

КРУПЕЦКИЙ. *Боже милостивый! Нет у меня столько.*

СТЕПАН САЕНКО. *Жить захочешь, найдёшь.*

КРУПЕЦКИЙ. *Я же всё рассказал!*

СТЕПАН САЕНКО. *Сказ – сказом, а денежка – денежкой.*

(Протягивает карандаш.)

Пиши записку жинке, принесёт – сразу отпущу, гуляй себе на здоровье!

Усаживает Крупецкого за стол, отодвигает сало. Сахарозаводчик дрожащими руками пишет записку. Саенко подходит к окну, тщательно вытирает жирные от сала ладони и нож о портьеру.

КРУПЕЦКИЙ. *Всё, написал...*

СТЕПАН САЕНКО (стоя у окна, обращается к Кину). *Паш, почитай: не сбрыхал ли чего?*

ПАВЕЛ КИН (прочитав записку). *Всё нормально.*

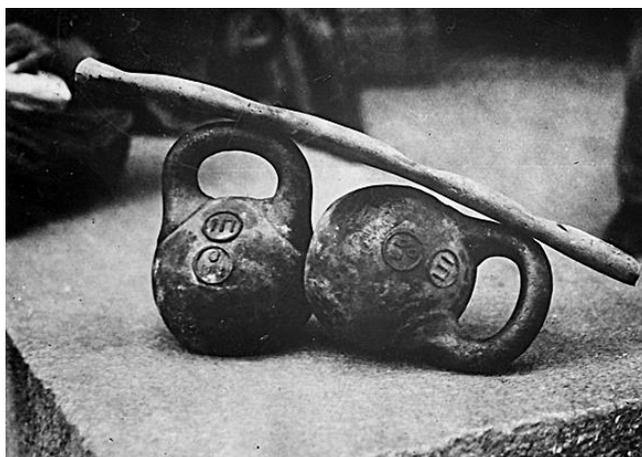
СТЕПАН САЕНКО. *Коли нормально, значит нормально.*

(Посмеиваясь, приближается к Крупецкому.)

Молодэц! Считай, уже на свободе... А хотя... На хер ты нам теперь сдался? Записка есть...

Саенко берёт со стола стакан, выпивает. Потом резким движением перерезает горло Крупецкому. Кровь брызжет на стол и растворяется на красной скатерти. Кин и Колядун отшатываются. Саенко снова подходит к окну, снова вытирает о портьеру нож и запачканный кровью рукав куртки. На зелёной портьере видны кровавые следы.

СТЕПАН САЕНКО (Кину и Колядуну). *Видите эту кровь? То же получит каждый враг рабоче-крестьянской партии!*

Орудия пыток, обнаруженные белогвардейцами в чулане харьковской ЧК: пудовые гири и кусок резинового пожарного рукава с обмоткой на одном конце в виде рукоятки.

В кабинет врывается ЧЕКИСТ.

ЧЕКИСТ. *В лагере бунт! Наших перебили!*

Все бросаются к двери.

СЦЕНА 4. СЕРГИЕВ ПОСАД, ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРОЙ. Тот же день.

Сквозь толпу протискиваются в Лавру члены Сергиевского исполкома. Среди них – уполномоченный ВЧК ВОЛКОВ. Он сталкивается с АННОЙ.

ВОЛКОВ. *Аня!!! Наконец-то я тебя нашёл!*

АННА (насмешливо). *Долго искал?*

ВОЛКОВ. *Перестань.*

(Пытается обнять Анну, та отстраняется.)

Ты, между прочим, тогда, в Ярославле, не только меня, ты дело наше великое бросила.

АННА. *Нет у меня больше с тобой никаких общих дел. Иди, разстреливай очередного батюшку!*

ВОЛКОВ. *Аня, Аня... Значит, ты с ними?*

(Указывает в сторону Лавры.)

Вернулась к своему, так сказать, сословию?

АННА. *Я не с ними, и не с вами.*

(Кричит на грани истерики.)

Оставьте вы все меня в покое, Бога ради!!!

В это время к ним приближается АСТРОНОМ, идущий в Лавру. Со стороны Лавры появляются АГАФЬЯ и ОТЕЦ ПЁТР (в пальто и шляпе, надвинутой на лоб). В руках у батюшки большой раздутый портфель. Пути Астронома и отца Петра с Агафьей пересекаются там, где стоят Анна и Волков.

РУССКИЙ НАРОД

у Лавры во время вскрытия мощей преподобного Сергия.

АСТРОНОМ (подходя к Волкову и беря его за локоть). *Пойдёмте, пойдёмте, товарищ Волков. Скоро уже будем начинать. Что вы застыли?*

(Смотрит на Анну.)

А-а... Всё понятно... Товарищ Архангельская, если не ошибаюсь?

Астроном протягивает Анне руку, но та не отвечает. Астроном делает вид, что вытянул руку, чтобы указать на приближающегося к ним отца Петра.

АСТРОНОМ. *Это ваш отец, кажется?*

(Подошедшему отцу Петру.)

Здравствуйте, Пётр Егорович. Куда вы это так торопитесь? И без облачения, и вид такой таинственный, и портфельчик такой раздутый... Прямо не священник, а шпион какой-то.

Отец Пётр и Агафья останавливаются. Астроном и отец Пётр некоторое время пристально смотрят друг на друга. Из-за спины отца Петра выходит Агафья и надвигается на Астронома.

АГАФЬЯ (Астроному). *Ты чего пристал к человеку? Ты кто таков? Тебе чего надо? Тебя кто звал сюды? Антихрист!*

Агафья трижды крестит Астронома, который едва заметно морщится.

АГАФЬЯ (стоящим вокруг). *Сёстры! Братья! Они святое место, где отпечатались стопы отца нашего, преподобного Сергия ругают! Они батюшек наших благочестивых обижают!*

АСТРОНОМ (в некоторой растерянности). *Успокойтесь, гражданочка! Никто никого не обижает...*

У Лавры во время вскрытия мощей преподобного Сергия.

Люди окружают Астронома, кричат, размахивают руками. Тем временем отец Пётр, Агафья, Анна смешиваются с толпой и скрываются из виду. **ИНТЕЛЛИГЕНТНАЯ ДАМА** бросается на Астронома с тоненькой тросточкой.

ИНТЕЛЛИГЕНТНАЯ ДАМА (истерически выкрикивает, размахивая тросточкой). *Что вы его слушаете?! Бейте его! Бейте!*

К Астроному пробиваются, стреляя в воздух, три чекиста. Толпа разступается. Астроном и Волков в сопровождении чекистов направляются в Лавру.

СЦЕНА 5. ХАРЬКОВ, УЛИЦА ЧАЙКОВСКОГО. ОКОЛО ЗДАНИЯ КОНЦЛАГЕРЯ.

Поздний вечер. Два уличных фонаря высвечивают фасад серого каменного двухэтажного здания. Здание окружено колючей изгородью. Перед ней вырыт ров, через который ведёт очень узкий мостик, выходящий на дорогу. За дорогой видны деревья городского сада. Через мостик осторожно перебираются узники лагеря, многие вооружены. Их поток контролируют **КОКУНЬКО** и **ПАНЧУЛИДЗЕВ**. У ворот сада узников встречает **СОКОЛОВ** и два офицера, переодетые красными командирами (серия 7, сцена 25). **ШТАБС-РОТМИСТР ИАВНОВ** и **ПЕХОТНЫЙ КАПИТАН** выволакивают из здания два пулемёта, захваченные у охраны.

ИВАНОВ (кричит Соколову). *Костя, пулемёты мы захватили, но тащить их по мостику рискованно. Уводи всех через сад, а мы отсюда прикроем, если что. Шашки наголо!*

Иванов и пехотный капитан устанавливают пулемёты под деревьями с двух сторон здания. Кокунько переходит на сторону сада. Панчулидзеv остаётся переправлять оставшихся узников.

КОКУНЬКО (подходя к Соколову). *Почти все, можно начинать отход. Жорж с остальными догонят.*

СОКОЛОВ. *Нет, уводите их вы с Жоржем. Я дождусь Саенку. Он непременно сюда примчится.*

КОКУНЬКО. *Костя, не время тут дуели устраивать. Не гусарствуй! На кону десятки жизней. Ты командир – тебе отвечать. А мы своё дело добрѣ зробим.*

СОКОЛОВ. *Говорю тебе: идите, а я дождусь Саенку.*

Харьков, улица Чайковского, 16. Здание, в котором находился концлагерь.

С двух сторон выкатывают грузовики, набитые красноармейцами и чекистами. Улица освещается мощными прожекторами. Начинается беспорядочная стрельба.

КОКУНЬКО (срывая винтовку с плеча). *Дождлся! Вон твой Саенко, прибыл, каналья!*
(Толкает Соколова в плечо.)

Уводи! Иначе всё было понапрасну! Нас поодиночке перехлопают!

ИВАНОВ (на той стороне рва обращается к пехотному капитану). *Что, капитан, дадим им прикурить? Шашки наголо!*

Оба пулемѣта открывают огонь. Красные тоже устанавливают пулемѣты, начинают обстрел здания и мостика. По нему под огнѣм переправляются последние узники, сзади бежит Панчулидзеv. Пуля попадает ему в ногу, корнет опускается на колени, вытаскивает револьвер, стреляет. Не удержавшись, Панчулидзеv с криком падает в ров. Около сада прощаются Соколов и Кокунько.

СОКОЛОВ (обнимая Кокунько). *Свидимся, Женя! Держитесь!*
(Узникам.)

Все за мной, через сад! Не растягиваться.

КОКУНЬКО (узникам). *Трое добровольцев со мной на прикрытие.*

К нему подходят трое с винтовками. Все четверо залегают за оградой сада, развернувшись по двое в разные стороны, и открывают огонь. Соколов быстро уводит узников. Красные с двух сторон перекидывают доски через ров, перескакивают по ним и пытаются атаковать пулемёты. Один отряд возглавляют САЕНКО и КИН, другой – КОЛЯДУН. Пулемёт пехотного капитана замолкает.

ИВАНОВ (пехотному капитану, стреляя и не оборачиваясь). *Что, капитан, ленты кончились? У меня возьми. Шашки наголо!*

Ему никто не отвечает. Иванов оборачивается: капитан лежит у пулемёта в луже крови. В этот момент подбегают красные. Саенко бьёт Иванова наганом по голове, тот падает. Саенко в остервенении лупит тело ногами.

СЦЕНА 6. ДОМ СВЯЩЕННИКА ПОД СЕРГИЕВЫМ ПОСАДОМ.

Поздний вечер того же дня.

Комната освещена свечами и лампадой. Под образом Сергия Радонежского на маленьком столике ковчежец Патриарха с открытой крышкой. Перед ним на коленях – ОТЕЦ ПЁТР и АГАФЬЯ в платочке. В углу стоит простоволосая АННА.

ОТЕЦ ПЁТР. *За ёже тя прославляюще и о таковой же твоёй на сопротивных православному воинству помощи просяще, Богу вопиём: Аллилуиа.*

За дверью слышны громкие шаги. Отец Пётр и Агафья вскакивают, загораживают собой ковчежец. Дверь открывается, входит СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. Все смотрят на него в недоумении.

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Мир вам и мир дому сему!*

ОТЕЦ ПЁТР. *Здравствуйте, батюшка, какими судьбами к нам?*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Да вот, шёл мимо, дай, думаю, зайду. Порадуемся вместе!*

Сребробородый монах становится на колени, крестится на образ преподобного Сергия. Потом встаёт и направляется к ковчежцу, который загораживают отец Пётр и Агафья.

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *И к мощам святым приложусь напоследок. Посторонитесь маненько, дорогие мои.*

Сребробородый монах, раздвигая отца Петра и Агафью, склоняется над ковчежцем. Камера показывает череп, лежащий в нём. Монах прикладывается к мощам.

АГАФЬЯ. *Откуда всё узнал, отец?*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Чего? А... это... Долго живу, вот всё и знаю. Теперь и вы приложитесь.*

Отец Пётр и Агафья, подходят к мощам, крестятся, целуют их.

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Вот и славно!*

(Анне.)

А ты чего стоишь, красавица? Тебя отдельно приглашать? Да и простоволосая...

Вынимает из-за пазухи белоснежную косынку и повязывает Анне. Та несколько секунд стоит в нерешительности, потом быстро подходит к ковчежцу, целует мощи.

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Вот и славно! Большой подвиг вы совершили, большой. На Страшном Суде зачтётся! Ой, как зачтётся!*

ОТЕЦ ПЁТР. *Это Агафья Лукинишина всё спасла. Если бы она народ не взбунтовала, Чёрный полковник, как называет его мой Глеб, нас непременно бы арестовал.*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Умница, Агафья свет Лукинишина, умница! Вот если ещё и чайку испить приготовишь, так лучше тебя и на свете нигде не сыскать.*

АГАФЬЯ (уже выходя из комнаты с сияющим лицом). *Сейчас, батюшка, мигом.*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *А как же там, в соборе? Без головы?*

ОТЕЦ ПЁТР (со вздохом). *Есть там голова... Взяли мы с отцом Кронидом грех на душу: положили в раку голову покойного князя Трубецкого.*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Вот как! Не грех, не грех это.*

(Смеётся.)

Князь был праведный, пускай ещё послужит. А голову Преподобного сокройте, чтобы и никто не догадался. Ни один человек!

АГАФЬЯ (заглядывая в комнату). *Сокроем, отец мой, сокроем. Завтра с утра повезу к сестре своей младшенькой. Она одинокая, в сельсовете полы моет.*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Ты языком-то, Агафьюшка, не больно крути, не больно. Везде уши есть.*

(Агафья исчезает.)

А ты, отец Пётр, уезжай отсюда подальше. Проси Святейшего: пусть в другом приходе схоронит тебя. Нечего тебе здесь теперь делать.

Агафья вносит самовар.

АГАФЬЯ. *Вот и самоварчик готов. Угощайтесь, отцы честные.*

СЦЕНА 7. ХАРЬКОВ, УЛИЦА ЧАЙКОВСКОГО. ДВОР КОНЦЛАГЕРЯ. **Утро следующего дня – 30-е марта 1919-го года, Лазарева суббота.**

Трупы женщин-заложниц, замученных харьковским чекистами.

2-я слева – С.Иванова, владелица мелочного магазина; 3-я – А.И. Карольская, жена полковника; 4-я – Л. Хлопкова, помещица. У всех заживо вырезаны и выпущены груди, половые органы обожжены, в них найдены угли.

Камера медленно показывает слегка заснеженный двор. В его центре – **СТЕПАН САЕНКО** (расхаживает, поглаживая усы), **КИН** (курит изогнутую трубку), **КОЛЯДУН** (с наганом в опущенной руке). Вдоль боковых сторон забора стоят оставшиеся в лагере узники, среди них – **ШТАТСКИЙ ГОСПОДИН**, копавший яму. Перед узниками – отряд чекистов с винтовками наперевес.

СТЕПАН САЕНКО (Колядуну, указывая на узников). *Колядун, этих заколоть штыками. Нечего на такое говно патроны расходовать. Даже гвоздей жалко... И так, вон сколько потратили.*

Камера медленно переходит на заднюю сторону забора: к ней прибиты гвоздями обнажённые до пояса КОКУНЬКО, ИВАНОВ и ПАНЧУЛИДЗЕВ. Саенко подходит к ним, достаёт нож, которым зарезал сахарозаводчика, и неглубоко вонзает острие в живот Кокунько. Несколько раз поворачивает нож. Тело не шевелится.

СТЕПАН САЕНКО. *Подох, гнида! Жаль, не помучился.*

ПАВЕЛ КИН (смеётся). *Сегодня у них суббота Лазарева. Глядишь, и воскреснет, коли их боженька явится.*

СТЕПАН САЕНКО. *Не явится! Не воскреснет!*

Переходит к Иванову. При прикосновении ножа тело вздрагивает.

КОЛЯДУН. *Жив, гадюка!*

Саенко колет Панчулидзева. Тот приоткрывает глаза.

КОЛЯДУН. *И этот живой!*

СТЕПАН САЕНКО (Колядуну). *Выставить охранение. И приведи кой-кого из города. Пусть побачут, что я сделаю с теми, кто пойдёт против меня и нашей рабоче-крестьянской партии!*

(Кину, приобнимая его за плечо.)

Пошли, Пашка, водку допивать. А то всю музыку нам вчера эти суки поганые испортили.

(Ещё раз смотрит на прибитых к забору офицеров).

Как жить приятно и легко!

СЦЕНА 8. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ. Начало апреля 1919-го года.

В Екатерининском зале ЛЕНИН, ДЗЕРЖИНСКИЙ и АСТРОНОМ просматривают документальный фильм о вскрытии мощей Преподобного Сергия. Показываются кадры фильма.

ЛЕНИН. *Великолепно! Архивеликолепно!*

ДЗЕРЖИНСКИЙ. *Очень наглядно показано!*

ЛЕНИН. *В первую голову надо проследить и проверить, чтобы непременно продемонстрировали кино по всей России. Этого одного достаточно, чтобы оттолкнуть от религии сотни и сотни тысяч людей.*

На экране показывают изъятый из раки череп.

ДЗЕРЖИНСКИЙ (указывая на экран). *Вот тебе и святыня! У нашей ЧК много таких «святынь» имеется. От врагов революции в наследство достались.*

СЦЕНА 9. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

ЛЕНИН, ДЗЕРЖИНСКИЙ и АСТРОНОМ выходят из зала, прохаживаются по коридору.

Вскрытие мощей преподобного Сергия.

ЛЕНИН (Астроному). *Товарищ Млечин, вы ведь были на самом вскрытии, как там всё прошло?*

АСТРОНОМ. *Более-менее, Владимир Ильич. Пошумели тёмные людишки, конечно. Бабы покричали.*

(Усмехается.)

Чуть меня самого не пришибли.

ЛЕНИН. *С главарями подобных безобразий надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно! Я верно понимаю задачи ЧК, Феликс Эдмундович?*

ДЗЕРЖИНСКИЙ. *Совершенно верно, Владимир Ильич.*

АСТРОНОМ. *Всё-таки, мне кажется, церковники там что-то наколдовали с этими мощами...*

ЛЕНИН. *А в чём дело?*

АСТРОНОМ. *Вот Феликсу Эдмундовичу этот череп понравился, а мне – нет.*

ДЗЕРЖИНСКИЙ. *Почему?*

АСТРОНОМ. *Уж как-то он неестественно лежал, отдельно ото всего остального. Да и смотрелся как нечто инородное.*

ЛЕНИН. *Это уже не так важно. Главное – есть кино. Агитационная мощь его будет колоссальна! Мы сделали большой шаг к полному отмиранию религиозных предрассудков и церкви.*

АСТРОНОМ. *Да, конечно... Я там, около монастыря, одного попа заметил... Очень подозрительного попа, с портфелем раздутым. Не подменили ли они череп? Могут ведь использовать для контрреволюционной пропаганды.*

ЛЕНИН. *Феликс Эдмундович, это уже по вашей части. Нашли попа?*

ДЗЕРЖИНСКИЙ. *Ищем, Владимир Ильич. Скрылся он куда-то. Найдём.*

ЛЕНИН. *Уж вы сделайте милость, найдите. Действительно, могут кликушествовать, что мы подменили трупные останки, которые они называют мощами. И, вообще, надо действовать решительнее. Мы что красный террор для красного словца объявили? На всех фронтах необходимо разбить неприятеля на голову и обезпечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий!.. Всё, товарищи, пойдёмте работать.*

СЦЕНА 10. БЕЛГОРОД. СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СОБОР. Прошло 2 месяца.

Полдень. В соборе нет службы. Несколько священников читают молитвы. Справа и слева от алтаря стоят две группы верующих. В правой – ОЛЬГА МАТВЕЕВНА СОКОЛОВА,

в левой – ВАРВАРА. Двери храма с шумом распахиваются, входят члены комиссии по вскрытию мощей святителя Иоасафа Белгородского. Впереди других идут начальник белгородской милиции ВЛАДИМИР САЕНКО (брат Степана) и уполномоченный ВЧК ВОЛКОВ. Через открытые двери видно, что снаружи у дверей собора выставлен караул из курсантов с винтовками на плечах. Владимир Саенко лезет за пазуху и вынимает бумагу.

ВЛАДИМИР САЕНКО (размахивая бумагой над головой). *Постановление уездного съезда Советов о вскрытии так называемых мощей Якима Горленки.*

(Направляется к алтарю.)

Давай, показывай ваше соломенное чучело, выдумку для плутации народа! Где главный поп?

ВОЛКОВ (на ухо Саенко). *Поспокойней, товарищ, потише. Не надо лишнего шума.*

Из алтаря выходит ЕПИСКОП БЕЛГОРОДСКИЙ НИКОН в полном облачении, его сопровождают ещё два архиерея.

Епископ НИКОН

(в миру Николай Александрович Пурлевский; 1886–1938, разстрелян).

В сценарии допущен временной сдвиг: на самом деле вскрытие мощей святителя Иоасафа происходило не в 1919-м, а 20-м году. Именно тогда владыка Никон стал епископом Белгородском и действительно участвовал во вскрытии мощей святителя Иоасафа. От него действительно требовали согласия на вывоз святыни и подвергали надругательствам. С 1937-го – архиепископ Казанский.

ЕПИСКОП НИКОН (грозно). *Не смей трогать святыню!*

(С горькой иронией.)

Потерпите немного и увидите чучело, набитое соломой, я сам его вам покажу.

ВЛАДИМИР САЕНКО (продвигаясь вперёд). *Без вас обойдёмся. Давай его сюда!*

ЕПИСКОП НИКОН (грозно). *Не смей!*

ВОЛКОВ (удерживая Саенко за руку). *Пусть, пускай сами. Так даже гораздо лучше: не станут говорить, что мы подменили.*

Саенко останавливается и застывает руки в боки. Камера показывает владыку Никона: он снимает очки, и видно, что текут слёзы. Священнослужители выносят на середину храма два стола, один из них покрыт парчой, на которой лежит бархатная подушка. Владыка Никон и архиереи подходят к раке, открывают её, снимают покрывала, вынимают из большого

гроба маленький гроб с мощами и несут его на средину церкви, ставят на непокрытый стол. Владыка Никон снимет покрывало. В маленьком гробе видна фигура в саккосе, омофоре, митре, с панагией и крестом. Лицо закрыто шёлковой материей с изображением шестиконечного креста. Святитель лежит на спине со сложенными на животе руками. Владыка Никон и архиереи склоняются над телом и начинают снимать одеяние. Видны только их спины.

СЦЕНА 11. БЕЛГОРОД. СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СОБОР.

Рядом с алтарём стоят ВЛАДИМИР САЕНКО, ВОЛКОВ, ЧЛЕНЫ КОМИССИИ.

Рака с мощами святителя Иоасафа в Свято-Троицком соборе.

ВОЛКОВ (обращаясь к членам комиссии). *Я просил, чтобы в комиссию включили врачей. Они пришли?*

Камера показывает стоящую в некотором отдалении от других группу из четырёх врачей.

1-й ВРАЧ. *Да, мы здесь.*

ВОЛКОВ (врачам, указывая на мощи). *Если там действительно обнаружится сохранившееся тело (в чём я, конечно, очень сомневаюсь), то необходимо будет сделать хирургическое вскрытие. Вполне возможен факт бальзамирования.*

1-й ВРАЧ (после некоторой паузы). *Прошу меня извинить, но я не буду этого делать.*

2-й ВРАЧ. *Присоединяюсь.*

3-й ВРАЧ. *Как русский православный человек я на такое кощунство не пойду.*

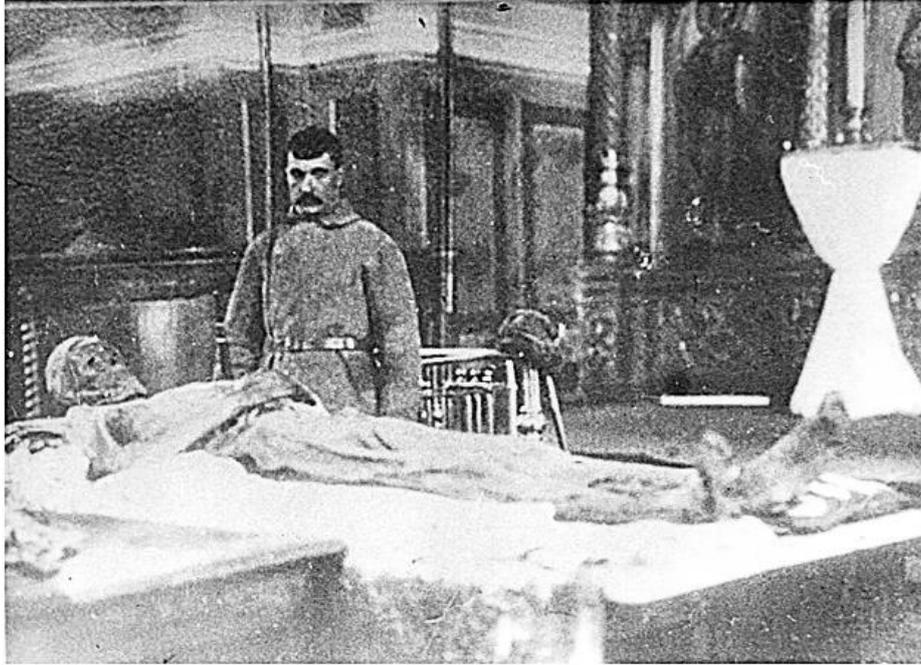
4-й ВРАЧ (усмехаясь). *Что ж, поскольку я не русский и не православный, то не вижу препятствий исполнить свой медицинский долг: готов произвести вскрытие.*

ВОЛКОВ. *Вот и замечательно, что у нас есть настоящие врачи, а не церковники с медицинскими дипломами.*

СЦЕНА 12. БЕЛГОРОД. СВЯТО-ТРОИЦКИЙ СОБОР.

ВЛАДЫКА НИКОН поворачивается к стоящим в храме. На руках у него обнаженное тело святителя Иоасафа, прикрытое ниже пояса шёлковой материей.

ЕПИСКОП НИКОН (показывает мощи присутствующим). *Вот наш обман, смотрите!*

Вскрытие мощей святителя Иоасафа.

Владыка, плача, опускает мощи на стол, покрытый парчой, и уходит в алтарь. Камера показывает мощи: святитель Иоасаф лежит, как живой, только вся фигура желто-коричневого цвета. Видны короткие седые волосы, ресницы. Голова святителя не прикасается к подушке. Создаётся впечатление, что он слегка приподнялся и смотрит на присутствующих. В первый момент в храме царит гробовое молчание. Потом раздаются тихие и громкие возгласы.

1-я ЖЕНЩИНА ИЗ ВЕРУЮЩИХ. *Как живой!*

1-й ЧЛЕН КОМИССИИ. *Всё равно – обман!*

1-й МУЖЧИНА ИЗ ВЕРУЮЩИХ. *Полтора век пролежал, и – ничего его не коснулось!*

2-й ЧЛЕН КОМИССИИ. *Дурачат народ!*

2-й МУЖЧИНА ИЗ ВЕРУЮЩИХ. *Нетленен!*

Верующие и некоторые члены комиссии (включая трёх врачей) опускаются на колени, крестятся и совершают поклоны.

ВАРВАРА (стоя на коленях, поёт звонким голосом):

Радуйся, воины православныя на брани охраняяй.

Радуйся, земли Российския защитниче верный;

Радуйся, Православия поборниче нелицемерный.

Радуйся, Святителю Христов Иоасафе, чудотворче предивный.

ОЛЬГА МАТВЕЕВНА (подхватывает с другой стороны):

Радуйся, яко любовь твоею народную любовь себе стяжал еси.

Радуйся, Святителю Христов Иоасафе, чудотворче предивный.

ВЛАДИМИР САЕНКО (выхватывая наган). *Замолчать! Прекратить! Поубиваю!*

Пение стихает.

ВОЛКОВ. *Тише, граждане! Процедура вскрытия человеческих останков ещё не закончена. Тело может быть искусственно забальзамированным.*

(4-му врачу, тихо.)

Ваш выход, товарищ доктор.

Волков и 4-й врач (с чемоданчиком в руке) подходят к телу. Врач пытается отвести сложенные руки святителя от туловища, но ничего не выходит – руки остаются окаменевшими.

4-й ВРАЧ. *Ишь, не пускает к себе... Ничего, справимся.*

Врач открывает чемоданчик, достаёт ланцет и на животе под скрещенными руками делает разрез в форме буквы «Н». Склоняется над телом, его видно со спины. Через некоторое время он распрямляется и тихо говорит Волкову.

4-й ВРАЧ. *Никаких следов бальзамических веществ не обнаружено, мумификация произошла естественным путём.*

Волков находится в некотором смущении, почёсывает затылок. Потом откашливается и обращается к секретарю комиссии.

ВОЛКОВ. *Значит, так... Запишите в протокол следующее: труп Иоакима Горленко находится в стадии мумификации и окаменения ввиду... ввиду... климатических условий места его захоронения.*

1-й МУЖЧИНА ИЗ ВЕРУЮЩИХ. *Прямо стихами комиссар заговорил.*

2-я ЖЕНЩИНА ИЗ ВЕРУЮЩИХ (Волкову). *Сами вы обманщики и лжецы!*

2-й МУЖЧИНА ИЗ ВЕРУЮЩИХ. *Сами вы мумии бальзамированные!*

Из алтаря выходит владыка Никон.

ЕПИСКОП НИКОН. *Величаем тя, святителю отче Иоасафе, и чтим святую память твою, ты бо молиши о нас Христа Бога нашего.*

СЦЕНА 13. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ. Через несколько дней.

По коридору в разные стороны снуют сотрудники СНК. Среди них, всматриваясь в номера на дверях, идёт ВОЛКОВ. Из своего кабинета выходит ЛЕНИН, быстрыми шагами направляется по коридору. Поравнявшись с Волковым, слегка приостанавливается и придерживает его за локоть.

ЛЕНИН. *Товарищ из Ярославля? Как же, помню, помню.*

(Жмёт руку Волкову.)

Вы тогда первым начали бить в набат по поводу мятежа, пока все здешние герои почивали на лаврах... Какими судьбами к нам?

ВОЛКОВ. *Разыскиваю товарища Красикова... Заходил на Кузнецкий – его там нет. Говорят, сюда поехал... Да, вот и здесь не найду.*

ЛЕНИН. *А зачем вам Красиков, товарищ...*

ВОЛКОВ. *Волков.*

ЛЕНИН. *Так зачем вам, товарищ Волков, понадобился Красиков?*

ВОЛКОВ. *Я только что из Белгорода, контролировал вскрытие так называемых мощей... Неприятная ситуация там вышла. Хотел доложить и посоветоваться...*

ЛЕНИН. *Интересно, архиинтересно... Пойдёмте-ка, батенька, в мой кабинет, там и потолкуем.*

Ленин возвращается к своему кабинету, Волков следует за ним.

СЦЕНА 14. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ. КАБИНЕТ ЛЕНИНА.

ЛЕНИН расхаживает по кабинету. Около письменного стола стоит ВОЛКОВ.

ЛЕНИН. *Ничего страшного для нас в том, что вы, товарищ Волков, рассказали, я не вижу. Ну и что с того, что тело этого Иоасафа сохранилось? Мало ли мумий на свете?*

ВОЛКОВ. *Но вскрытие мощей произвело на народ впечатление обратное тому, чего мы добивались. Началось массовое поклонение... Даже среди местных коммунистов...*

ЛЕНИН (горячась). *Это – не коммунисты, а говнюки! Таких коммунистов сугубо надо вешать на вонючих верёвках! Каждый настоящий коммунист должен понимать, что всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое даже кокетничанье с боженькой есть невыразимейшая мерзость!*

Раздаётся стук в дверь, входит заместитель наркома юстиции КРАСИКОВ.

**Заместитель наркома юстиции большевик
Пётр Ананьевич КРАСИКОВ (1879-1939).**

Возглавлял 8-й («ликвидационный») отдел Наркомюста, занимавшийся проведением в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Один из организаторов атеистического воспитания и пропаганды, ответственный редактор журнала «Революция и церковь».

КРАСИКОВ. *Вызывали, Владимир Ильич?*

ЛЕНИН (раздражённо). *Вызывал, вызывал. Пока вы неизвестно где пропадаете, приходится мне за вас отдуваться. Кто отвечает за религиозную политику Советской власти: я или вы, товарищ Красиков? Вот товарищ Волков очень важные известия привез из Белгорода, а вас нигде не найти.*

КРАСИКОВ. *Товарищ Ленин, я был на заседании комиссии...*

ЛЕНИН. *Вот так всю революцию и про... прозаседаете!*

КРАСИКОВ. *О Белгороде мне уже докладывали.*

ЛЕНИН. *Докладывали!.. Так что же вы бездельничаете? Следует немедленно вывезти этот труп из города и, тем самым, прекратить кликушество!*

КРАСИКОВ. *Сделаем, товарищ Ленин.*

ЛЕНИН. *Уж вы сделайте, будьте добры! Но только сделайте так, чтобы на нас не упала тень... Ну, скажем, пусть местные церковники подпишут акт, что они не возражают против вывоза останков для использования их в целях... допустим, в целях культурного просвещения народных масс... Правильно я разсуждаю, товарищ Волков?*

ВОЛКОВ. *Совершенно верно, товарищ Ленин. Здесь, в Москве эти останки можно преспокойно уничтожить.*

ЛЕНИН. *А вот в этом вы заблуждаетесь, батенька. Не уничтожать надо, а использовать! Для разоблачения тех же попов!*

ВОЛКОВ. *Как использовать? Я же говорил, что труп удивительным образом сохранился...*

ЛЕНИН. *Вот и великолепно! Нужно устроить музей или вставку всяческих мумий. Разложить там эти их святыни среди других останков... Ну, не знаю, есть же*

сохранившиеся трупы животных: каких-нибудь крыс, летучих мышей либо чего-то подобного. Из Петроградской кунсткамеры уродцев можно добавить. И показать народу сходство процессов гниения во всех этих трупах. Хороший план, товарищ Волков?

ВОЛКОВ. *Замечательный, Владимир Ильич!.. Только после виденного в Белгороде, я боюсь, что эти фанатики и в музее будут молиться!*

ЛЕНИН (смеётся). *Сомневаюсь, что даже фанатикам захочется молиться, когда рядом с их, так называемой, святыней лежит какая-нибудь крыса.*

КРАСИКОВ. *Я слышал, что в Наркомздраве что-то в этом роде уже и затевают. Они хотят устроить выставку по социальной медицине и открыть на ней специальный отдел по гниению и разложению животных предметов.*

ЛЕНИН. *Вот и замечательно! Поторопите Наркомздрав, Пётр Анананьевич, с этой ценной инициативой. Да, и не забудьте взять у церковников расписку о добровольной выдаче белгородского трупа.*

КРАСИКОВ. *Сейчас же телефонную местным органам.*

ЛЕНИН (Волкову, весело). *Ну, что решили мы ваше дело?*

ВОЛКОВ. *Спасибо, Владимир Ильич!*

ЛЕНИН. *Это вам спасибо, товарищ Волков! Вы опять, как и в случае с Ярославлем, очень вовремя появились.*

Ленин жмёт руку Волкову, потом Красикову. Те выходят.

СЦЕНА 15. БЕЛГОРОД. ТРАПЕЗНАЯ В ПОКОЯХ ЕПИСКОПА НИКОНА.

Следующий день.

За большим столом сидят **ЕПИСКОП НИКОН**, несколько священнослужителей и мирян. Среди них – **ОЛЬГА МАТВЕЕВНА** и **ВАРВАРА СОКОЛОВЫ**. На столе разставлены стаканы и чашки с чаем, вазочки с вареньем, печеньем.

СВЯЩЕННИК. *Я уж, грешным делом, подумал: лучше бы мощи тленными оказались. Святыня, она по любому – святыня. А большевики бы успокоились. А теперь они не отстанут. Осрамилась с разоблачением, вот и будут мстить.*

ЕПИСКОП НИКОН. *Не кощунствуй, отец Савва. Как было б лучше, не нам, грешным, решать. А вот, что большевики теперь не отстанут, это ты верно сказал. Чует моё сердце – самое страшное впереди.*

Дверь раскрывается и входит **КЕЛЕЙНИК**.

КЕЛЕЙНИК. *Владыка, там милиционеры пришли со своим начальником Саенкой, требуют впустить.*

ЕПИСКОП НИКОН (со вздохом). *Что ж, пускай заходят, не драться же с ними...*

Келейник выходит.

СЦЕНА 16. БЕЛГОРОД. ТРАПЕЗНАЯ В ПОКОЯХ ЕПИСКОПА НИКОНА.

В дверях стоят **ВЛАДИМИР САЕНКО** и два милиционера.

ВЛАДИМИРОМ САЕНКО (оглядывая трапезную). *Пируете, контры? Ну-ну...*

(Обращается к епископу.)

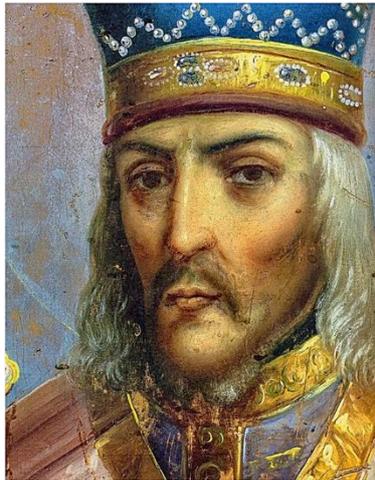
Значит, так, гражданин Никон, от нашего советского правительства пришёл приказ: мощи, которые мы давеча вскрыли, надобно увезти в Москву для научных целей. А ты даёшь на это дело своё полное согласие. Понял?

(Вытаскивает из-за пазухи лист бумаги и химический карандаш, протягивает епископу.)

Пиши!

Владыка встаёт из-за стола, подходит к Саенке, снимает очки и пристально смотрит на него.

ЕПИСКОП НИКОН. *Передайте своему начальству, что я ничего такого подписывать не буду. Святитель Иоасаф здесь, на Белгородской земле, служил, здесь прославился, здесь опочил, здесь прославлен был. Здесь ему и оставаться!*

Святитель ИОСАФ БЕЛГОРОДСКИЙ (в миру Иоаким Андреевич Горленко; 1705–1754).

ВЛАДИМИРОМ САЕНКО (вытаскивая наган). *Чего сказал?*

ЕПИСКОП НИКОН. *Я эту бумагу подписывать не буду.*

ВЛАДИМИРОМ САЕНКО. *Ишь ты, какой смелый! Сам опочить захотел?*

(Снова протягивает бумагу.)

Подписывай, говорю!

ЕПИСКОП НИКОН. *Вы мой ответ слышали. Другого не будет.*

ВЛАДИМИРОМ САЕНКО. *А вот это мы поглядим.*

Саенко бьёт владыку наганом по голове, толкает на пол, тот падает. Разбиваются очки, по лбу течёт струйка крови. Все, сидевшие за столом, вскакивают. Слышны крики, рыдания.

ВЛАДИМИРОМ САЕНКО. *Молчать, гады!*

(Епископу.)

Ты понимаешь, блевотина церковная, что не выполняешь приказ Советской власти? Контрреволюцию делаешь?

(Епископ молчит.)

К своему Никодиму захотел?

(Саенко, с наганом в руке, топчет лежащего на полу владыку.)

Так это я быстро устрою!

(Бьёт ногами.)

Мы с братухой твоего Никодима спровадили в царствие небесное, а теперь ты вослед побежишь.

Все присутствующие в испуге замирают. Слышны только звуки ударов и стоны владыки. Вдруг раздаётся надрывный голос Варвары.

ВАРВАРА. *Остановитесь! Вы убьёте его!*

ВЛАДИМИРОМ САЕНКО (продолжает бить, но не сильно). *Не, пока не убью. Он мне ещё живой нужен. Я так, маленько, для уроку.*

(Епископу.)

Подпишешь?

(Епископ только стонет.)

Я ведь могу и покрепче вдарить.

Саенко начинает колотить сильнее. К нему бросается Варвара. Ольга Матвеевна пытается её удержать, но та вырывается.

ВАРВАРА (подбегая к Саенко). *Оставь его!*

Саенко грубо толкает Варвару, она падает рядом с епископом.

ВЛАДИМИРОМ САЕНКО. *Уйди, лярва! Тут дела государственные!*

Варвара резко вскакивает и, как кошка, прыгает на Саенко, вцепляется ему в лицо. Из щеки брызжет кровь.

ВАРВАРА. *Животное! Сволочь! Убийца!*

Саенко оторопел. К ним бросается Ольга Матвеевна, пытаясь оттащить Варвару.

ОЛЬГА МАТВЕЕВНА (рыдая). *Варенька, родная, не надо, пойдём, он убьёт тебя.*

Тем временем Саенко приходит в себя. Он одной рукой резко отстраняет Варвару, а другой стреляет ей в грудь из нагана. Варвара падает. Вслед за ней падает без сознания Ольга Матвеевна. Саенко ещё раз стреляет в лежащую Варвару. Видна кровь на белой блузке.

ВЛАДИМИРОМ САЕНКО (вытирая рукавом текущую по расцарапанной щеке кровь).
Лярва!

(Отряхивает куртку и обращается ко всем.)

Все видали, что я делаю с врагами революции?

(Носком сапога толкает лежащего на полу епископа, тот стонет.)

Живой, гад! Теперь подпишет!

Саенко засовывает наган в кобуру, выходит из трапезной, хрустнув каблуком сапога по валяющимся на полу очкам епископа. На лице сияет улыбка.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

у раки с мощами святителя Иоасафа в Преображенском соборе Белгорода.

В 1920-м мощи святителя Иоасафа были перевезены в Москву в музей Наркомздрава (Петровка, 14) и помещены на выставке по социальной медицине в отделе по гниению и

разложению животных предметов. Анастасия Ивановна Цветаева вспоминала: «...В доказательство несуществования мощей (а существования мумификации) под большой витриной, под стеклом с перекладинами, лежали мощи Св. Иоасафа Белгородского, а над ним, сбоку, на длинной полке, в стеклянном гробике лежал маленький, с искаженным лицом, в позе самозащиты, труп бывшего фальшивомонетчика, убитого во время дележа денег. Он был найден в сухом подвале. И рядом на маленькой полочке лежала засохшая мертвая крыса». Очевидцы рассказывают о потоке верующих, приходивших в музей молиться у святыни. Потом мощи перевезли в ленинградский Музей истории религии и атеизма в Казанском соборе. В 1970-м году, в связи со случаями заболевания холерой, комендант музея распорядилась закопать мощи в землю в подвале. Но плотники-реставраторы на свой страх и риск завернули тело святителя в простыни, подняли на чердак и там закопали, надеясь, что в сухом шлаке мощи сохранятся. В 1991-м году бригадир плотников А.В. Соколов указал место тайного захоронения. Так состоялось второе обретение мощей святителя Иоасафа. Ныне они покоятся в Преображенском соборе Белгорода.

СЦЕНА 17. НАБЕРЕЖНАЯ РЕКИ ХАРЬКОВ.

Через неделю – 12-е июня 1919-го года.

Летний Харьков. По набережной отряд Дроздовского полка вступает в отбитый у красных город. Среди дроздовцев идёт ГЛЕБ (он уже штабс-ротмистр). Лицо в поту и пыли, на плече винтовка. Вокруг людские толпы: плачущие, смеющиеся лица. Безумство и радость освобождения. Солдат теснят. Звучат крики:

Ура! Ура! Ура!

Раздаётся команда:

Держать строй!

Отряд запекает:

*О, Боже Правый, изнывает
Под гнетом Русь – спаси её!
Тебя народ Твой призывает,
Яви Ты чудо нам своё.
Смелей, дроздовцы удалые!
Вперед без страху! С нами Бог! С нами Бог!
Поможет нам, как в дни былые
Чудесной силою помог. Да, сам Бог!¹*

¹ Песня Дроздовского полка.

Белая армия вступает в освобождённый Харьков 12-го июня 1919-го года.

Из строя дроздовцев слышится МОЛОДОЙ ГОЛОС:

*Настали дни веселья,
На улицах везде –
Малиновые шапки
И на погонах "Д"!
Повсюду гордо вьется
Трехцветный флаг родной,
И радостно смеется
Старик и молодой!²*

К ГЛЕБУ подбегает ДЕВУШКА.

ДЕВУШКА. *Ура освободителям!*

(Протягивает громадный букет белых цветов.)

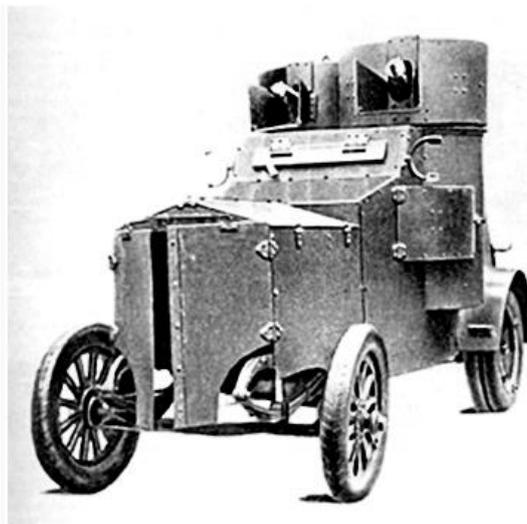
Белые цветы – Белому войску! Господин офицер, разрешите вас поцеловать!

Глеб останавливается, дотрагивается до своего лица – пальцы совершенно мокры от пота. Он в смущении лезет в карман за платком, но вытаскивает холщевую штанину от солдатских исподников, всю измазанную ружейным маслом, которой он обматывал затвор винтовки. Не замечая этого, вытирает штаниной лицо. Несколько дроздовцев, улыбаясь, отводят глаза. Девушка смотрит по-прежнему восторженно. Глеб сует штанину в карман, наклоняется к девушке. Та обнимает его за шею и целует в щёку. Вдруг, из её глаз брызжут слёзы.

ДЕВУШКА. *Пану убили...*

² Неизвестный автор-дроздовец «Харьков 1919 года».

Глеб гладит девушку по голове, тоже целует в щёку. Отряд продолжает идти по набережной. Вдруг из-за угла с рычанием вылетает серая броневая машина, по борту красная надпись «Товарищ Артём». Броневи́к открывает бешеный огонь. Толпа с криками разбегается. Отряд дроздовцев разсыпается. Кто-то прижимается к стенам, кто-то пытается спрятаться в подъездах, кто-то попрыгает с набережной под откос, к речке. Глеб, как был с букетом, пробирается вдоль домов, ища, где укрыться. Дверь одного подъезда поддаётся, приоткрывается, но дальше – цепочка. Глеб перебивает её выстрелом браунинга, вбегает в подъезд. Обитатели квартиры лежат ничком на полу. На улице гремит «Товарищ Артём». Глеб пробегает по комнатам, опрокидывая мебель, поднимается по лестнице на чердак, открывает окно и кидает в броневи́к связку ручных гранат. Гранаты летят и из других окон. Броневи́к отстреливается из пулемета, даёт задний ход, пытаясь вернуться на ту улицу, откуда выскочил. Упирается в фонарный столб, толкает и гнёт его. Всё закрывается пылью и дымом разрывов. Стрельба прекращается, дым расходится. Камера показывает броневи́к, застрявший посреди улицы у погнутого фонарного столба.

Бронеавтомобиль «Фиат».
Броневи́к «Товарищ Артём» принадлежал к этому типу.

СЦЕНА 18. НАБЕРЕЖНАЯ РЕКИ ХАРЬКОВ.

Из подъездов и укрытий высыпают дроздовцы. С гранатами и винтовками наперевес они подбегают к броневи́ку, обыскивают его: «Товарищ Артём» пуст. К Глебу подходит СТАРИК-ЕВРЕЙ и дергает за рукав.

СТАРИК-ЕВРЕЙ (вполголоса). *Господин офицер, господин офицер!*

(Глеб оборачивается к нему.)

Те люди, что с машины, чтоб им пусто было, иродам, вон в тот дом побежали, где булочная Каца была.

ГЛЕБ. *Спасибо вам, дедушка!*

(Стоящему рядом дроздовцу.)

Подпрапорщик, обыщите дом. Скорее всего, они на чердаке.

ПОДПРАПОРЩИК даёт команду солдатам и бежит с ними к указанному дому. Неожиданно на улице появляется разношёрстно одетый вооружённый отряд человек в сорок. Впереди идёт СОКОЛОВ, рядом с ним два офицера (серия 7, сцена 25 и серия 8, сцена 5). Дроздовцы хватаются за винтовки. С чердака дома, в который забежал подпрапорщик с солдатами, слышатся выстрелы.

СОКОЛОВ (машет рукой). *Свои! Свои!*

ГЛЕБ. *Костя!*

(Дроздовцам.)

Не стрелять! Свои!

Глеб и Соколов бегут навстречу друг другу, обнимаются.

ГЛЕБ (Соколову). *Куда ты пропал, Костя? Как сквозь землю провалился?*

СОКОЛОВ (смеётся). *Провалился, да вот и появился. Под землёй, слава Богу, побывать не довелось, а на земле красных пощипали прилично.*

(Указывает на свой отряд.)

Партизанили понемногу. Ты-то как?

Белые в освобождённом Харькове.

3-й слева – главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России Генерального штаба генерал-лейтенант Антон Иванович ДЕНИКИН (1872–1947).

На набережной снова начинают собираться горожане. Подпрапорщик и солдаты выводят из дома экипаж «Товарища Артёма» – четырёх матросов в тельниках и кожаных куртках, черных от копоти и машинного масла, один в крови. Впереди идёт могучий, кривоногий матрос. Толпа окружает кучку пленных, теснит конвой.

1-й ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. *Звери! Мучители!*

2-й ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ. *Прикончить на месте эту матросню, чекистов!*

СТАРИК-ЕВРЕЙ. *Куда вы их ведёте?*

(Всхлипывает.)

Убейте на месте, как они убили моего Боруха!

ГЛЕБ (загораживая собой матросов). *Это – военнопленные, и с ними будут разбираться.*

СТАРИК-ЕВРЕЙ. *Или они солдаты? Они палачи!*

ГЛЕБ (толпе). *Прошу вас, пропустите конвой.*

ДЕВУШКА (Глебу, указывая на кривоногого матроса). *Этот убил папу...*

Тем временем Соколов вглядывается в кривоногого и узнаёт в нём помощника Степана Саенко матроса КОЛЯДУНА. Соколов, направляется к нему, на ходу вынимая револьвер.

ГЛЕБ (хватая Соколова за плечо). *Костя, не надо самосуда! Я один раз так вот не сдержался – до сих пор не могу себе простить...*

СОКОЛОВ (резко скидывает с плеча руку Глеба). *Уйди, Глеб!*

Соколов расталкивает конвоиров и подходит к Колядуну.

СОКОЛОВ. *Колядун? А где же твой дружок-товарищ Саенко?*

(Колядун смотрит в землю, смачно сплёвывает, молчит.)

Хочу передать тебе привет, Колядун. От Володи Иванова, которого ты распял на заборе!

(Стреляет, Колядун опускается на колени.)

От Жени Кокунько!

(Стреляет, Колядун падает плашмя.)

От Жоржа Панчулидзева!

Соколов стреляет в лежащего Колядуна и уходит. Толпа набрасывается на других матросов.

Белые в освобождённом Харькове. Панихида по павшим воинам. На переднем плане в центре – командующий Добровольческой армией генерал В.З. МАЙ-МАЕВСКИЙ.

СЦЕНА 19. ХАРЬКОВ. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ УЛИЦА.

ГОСТИНИЦА «ЮЖНАЯ». Вечер того же дня.

Небольшой, недорогой гостиничный номер. На диване лежит ГЛЕБ; руки за головой, ноги на валике дивана. Входит ИГНАТ.

ИГНАТ. *Всего прикупил. И винца, и ветчинки, и сырку... А кой-чего хозяин и так дал. За мой геройский вид.*

(Достаёт из вещевого мешка бутылки вина, свёртки.)

Празднуйте!

ГЛЕБ (вставая с дивана). *Что значит – «празднуйте»? А ты, герой?*

ИГНАТ. *Ну, и я с вами заодно разговееюсь маненько.*

ГЛЕБ (усмехаясь и закуривая). *Неужели я пропустил такое удивительное природное явление как говееющий Игнат?*

ИГНАТ (смеётся). *Агафья Лукинишна сказывает, когда стаканчик наливает: на, мол, Игнатушка, разговейся...*

ГЛЕБ. *Соскучился?*

ИГНАТ. *Есть маненько. Теперь уж скоро свидимся. Спасибо тебе, Глеб Петрович, что отпуск выхлопотал. Я мигом – туда и обратно. И с Агафьей Лукинишной повидаюсь, и отцу Петру, может, чем пособлю.*

(Разворачивает свёртки, раскладывает съестное.)

Наши-то скоро будут?

ГЛЕБ. *Не знаю... Талочка, наверное, в лазарете задерживается, а Костя опять куда-то пропал.*

ИГНАТ. *Ну-ну...*

(Дверь распахивается: входят ТАЛОЧКА и СОКОЛОВ.)

Легки на помине!

СОКОЛОВ (с порога). *Наши взяли Белгород!*

СЦЕНА 20. ХАРЬКОВ. ГОСТИНИЦА «ЮЖНАЯ».

Благовещенская улица в Харькове.

За столом в гостиничном номере сидят ГЛЕБ, ТАЛОЧКА, СОКОЛОВ, ИГНАТ.

СОКОЛОВ (встаёт). *Наконец-то мы все собрались! И где! В освобождённом Харькове!*

(Поднимает бокал.)

За встречу! За Харьков! За Белгород! За победу Белого оружия!

Все, кроме Игната, выпивают. Игнат достаёт из кармана стакан, протирает его тряпочкой. Из другого кармана вытаскивает бутылку, заткнутую пробкой, скрученной из газеты. Наливает в стакан мутноватую жидкость.

ИГНАТ (извиняющимся голосом). *Я уж так, по-простому...*

(Напевает себе под нос.)

*Трубочка есть, водочка есть,
Всем за столом одинакова честь.³*

(Выпивает мелкими глотками.)

³ Анахронизм сценария: Игнат не мог напевать стихотворения Георгия Иванова «Если бы жить... Только бы жить...» (в чуть изменённом варианте), написанного много позже.

ГЛЕБ. *Смотри, Игнат, не переборщи со своим разговением. А то до Агафьи не скоро доберешься.*

ИГНАТ. *Само собой...*

ТАЛОЧКА (смеясь). *Сегодня можно! Сегодня всё можно!*

(Поднимая бокал.)

За победу!

(Выпивают.)

Глеб, ты помнишь, как всё начиналось? Помнишь Немецкую улицу? Помнишь, Глебчик, Лефортово? Полковника Лихачёва?

ГЛЕБ (мрачно). *Полковника убили под Песчанокоским... Год назад... Сожгли...*

Повисает молчание. Талочка встаёт, медленно проходит в угол комнаты, берёт стоящую там гитару, слегка настраивает её. Потом поёт:

*Есть в стане моём – офицерская прямоть,
Есть в рёбрах моих – офицерская честь.
На всякую муку иду не упрямясь:
Терпенье солдатское есть!
И так мое сердце над Рэ-сэ-фэ-сэром
Скрежещет – корми-не корми! —
Как будто сама я была офицером
В Октябрьские смертные дни...*

Талочка бросает гитару на диван и садится рядом с ней.

СОКОЛОВ. *Браво, Талочка! Тогда, в Москве, они победили... А теперь, посмотри: Харьков – наш! Белгород – наш! Барон Врангель вот-вот Царицын возьмёт! А там – на Москву!*

(Затягивает марш, отстукивая ритм ножом по столу.)

*За плечами ментик вился,
Цвёл султан над головой,
С громкой славой возвратился
В Кремль, гусарский полк Сумской.⁴*

ГЛЕБ (мрачно). *Твоими б устами, Костя...*

СОКОЛОВ. *А что?*

ГЛЕБ. *То, что у нас, кроме высокого порыва ничего нет. Ты этого, сидя в своём подполье, ещё не понял? Сил – нет, идей – нет... А на порыве, даже самом благородном, долго не продержишься...*

ТАЛОЧКА. *Глеб, перестань! Можно подумать, у большевиков есть великие идеи!*

ГЛЕБ. *У них – лозунги. Сейчас это во сто крат действенной, чем любые идеи. Вот они, например, кричат: «Землю – крестьянам!» – народный лозунг!*

СОКОЛОВ. *И нагло обманывают этот самый народ: отбирают у крестьян всё.*

ГЛЕБ. *Конечно, там, где отбирают, лозунги не действуют, и народ начинает ненавидеть большевиков. Но на это случай у них есть всякие латыши, китайцы, евреи, эстонцы, венгры и прочие...*

ИГНАТ (выпивая стакан). *Двунадесять языков, как допрежде говорили.*

ГЛЕБ. *Да и наших отбросов, вроде твоего, Костя, Саенки, хватает с избытком. Вот они-то и проводят железной рукой свои мобилизации, экспроприации, национализации, экзекуции.*

ИГНАТ (потирая усы). *И всё ж, когда мужику скажут, что земельку задаром дадут, он верит по глупости своей. А кто поумней – так, без веры хапает. Вы сказали – я хапнул.*

⁴ Строевая песня 1-го гусарского Сумского генерала Сеславина полка.

ГЛЕБ (горячась). *А мы? Что мы говорим мужикам? – Мол, пашите, сейте, убирайте, а там посмотрим, что решит Учредительное Собрание. Непредрешенчество! Вот мужик и занял непредрешенческую позицию – не идёт к нам. А к большевикам его латыши с китайцами загонят.*

СОКОЛОВ. *Ладно, Глеб, заканчивай свои пламенные речи. Настроение ты уже всем и так испортил. Хватит!*

Командир 1-го Армейского корпуса генерал-лейтенант (с 1920-го – генерал от инфантерии) Александр Павлович КУТЕПОВ (1882–1930) на Соборной площади в освобожденном Харькове.

ТАЛОЧКА (снова берёт гитару и поёт):

*Как будто когда-то прикладом и сталью
Мне выправили этот шаг.
Недаром, недаром черкесская талья
И тесный ремённый кушак.
А зорю слышу – Отец ты мой родный! –
Хоть райские – штурмом – врата!
Как будто нарочно для сумки походной –
Раскинутых плеч широтá...
Как будто сама я была офицером
В Октябрьские смертные дни...⁵*

СОКОЛОВ (вынимая из кармана часы). *Времени у нас почти нет. Через полтора часа отправляется поезд. Я еду в Белгород. Вся душа изболелась: как там мать и Варенька?*

ГЛЕБ. *Так всегда... Ты – едешь, мы – остаёмся...*

(Закуривает, затягивается и говорит после молчания.)

Мне вообще, вдруг, показалось, что мы в последний раз все вместе собрались...

СОКОЛОВ. *Прискакали! Хватит, я сказал! Развёл слякоть!*

ТАЛОЧКА. *Глебчик, правда, что на тебя нашло? У нас сегодня праздник, а ты... Времени действительно мало: я ведь тоже вместе с Костей уезжаю. Наш походный лазарет откомандирован к корниловцам.*

ГЛЕБ. *Этого ещё не хватало! Почему всё лучшее – корниловцам?*

ТАЛОЧКА (кокетливо). *А я у тебя лучшая?*

ГЛЕБ (обнимая и целуя её). *Лучшая, лучшая, ты – самая лучшая!*

⁵ Стихотворение М.И. Цветаевой из цикла «Лебединый стан».

СОКОЛОВ. *Вот за милых дам-то мы сегодня ещё и не пили.*
(Поднимает бокал.)

За милых дам!

Ставит бокал на тыльную сторону ладони, выпивает до дна и лёгким движением отбрасывает его в угол комнаты, тот разбивается.

ТАЛОЧКА (смеётся). *Не забыл ещё своё гусарство!*

Глеб с печальным лицом тоже выпивает бокал. Игнат наливает себе полстакана.

ИГНАТ. *Коль все разъезжаются, то надо пригубить стременную, как говорят казачки.*

(Выпивает.)

СОКОЛОВ. *По глазам вижу, Игнат, что ты сегодня ещё и закурганную будешь пить.*

ИГНАТ. *Само собой...*

Все, кроме Глеба, смеются и встают из-за стола. Глеб остаётся на своём месте.

Дроздовцы в освобожденном Харькове.

СЦЕНА 21. БЕЛГОРОД. ГОСТИНАЯ В ДОМЕ СОКОЛОВЫХ.

Через несколько дней.

КОНСТАНТИН СОКОЛОВ в гимнастёрке, галифе и сапогах сидит за столом, положив голову на руки. С тарелками в руках входит ОЛЬГА МАТВЕЕВНА.

ОЛЬГА МАТВЕЕВНА (ставя тарелки на стол, говорит натужным голосом, как заученный урок). *Сам владыка отпелал... У собора в ограде погребли... Поешь, потом сходим на могилку...*

(Вдруг срывается, из глаз брызжут слёзы; опускается на диван и надрывно говорит сквозь рыдания.)

Не сохранила я нашу Вареньку, не сберегла... И зачем я, дура старая, потащила её с собой к владыке! В геенне огненной мне гореть за это! Поделом!

Константин встает из-за стола, садится на диван рядом с матерью, обнимает её. Его лицо тоже мокро от слёз.

СОКОЛОВ. *При чём здесь вы, матушка... Это мне нельзя было вас одних здесь оставлять...*

ОЛЬГА МАТВЕЕВНА (обнимая сына). *Она... Наша девочка, Варенька, в райо за нас помолится...*

На экране гаснет свет. *Воспроизводится фрагмент 5-й сцены 1-й серии:*

В гостиной Архангельских из темноты появляется самодельная Звезда на палочке, высвечивается лицо ВАРВАРЫ. Она водит над вертепом Звездой, поёт:

*И свод небесный вдруг растворился,
В вертепе тёмном свет появился...*

Снова освещается гостиная Соколовых. Видны рыдающая Ольга Матвеевна и обнимающий мать Константин.

СЦЕНА 22. БЕЛГОРОД. ГОСТИНАЯ В ДОМЕ СОКОЛОВЫХ.

Константин нервно ходит по комнате.

СОКОЛОВ. *Я найду и убью эту тварь, Саенку. И братца его...*

ОЛЬГА МАТВЕЕВНА. *Костик...*

Вдруг дверь в гостиную неожиданно приоткрывается, и в ней показывается голова СРЕБРОБОРОДОГО МОНАХА. Потом заходит и он сам с мешочком за плечами.

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Мир вам и мир дому сему!*

(Константин и Ольга Матвеевна в недоумении смотрят на него.)

Дверки тут у вас все нараспашку. Дай, думаю, зайду, навещу.

(Константину.)

Нешто не узнал меня, мóлодец? А помнишь, как о прошлом годе в Сергиевом Посаде встретились с отцом Петром?

СОКОЛОВ. *Конечно, помню, батюшка. Вы тогда ещё о гибели Государя сказали...*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *А... это...*

ОЛЬГА МАТВЕЕВНА (вставая и вытирая платком слёзы). *Вы проходите, отец мой, проходите, потрапезничайте с Костиком. Я сейчас накрою...*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Мне бы чайку испить, хозяйюшка, чайку испить бы...*

ОЛЬГА МАТВЕЕВНА. *Принесу, отец мой, минутку подождите.*

Ольга Матвеевна выходит из гостиной, всё ещё вытирая слёзы. Монах садится за стол, на коленях развязывает мешочек, вынимает просфору, завернутую в бумажку, разворачивает и протягивает Соколову.

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *От Сергия преподобного, из Посада. Возьми, мóлодец, покушай.*

(Соколов берёт просфору.)

Я вот чего тебе, Константин, скажу: неладное дело ты задумал. Про этих извергов, про Саенок...

СОКОЛОВ (в недоумении). *Откуда вы знаете?*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Чего? А... это... Долго живу, вот и знаю.*

СОКОЛОВ. *Я всё равно найду и убью их!*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *Сыскать – сыщи, а рук не марай. Властям извергов сдай.*

СОКОЛОВ. *Руки мои и так уже замараны, батюшка, много грехов на себя взял. Этот ничего не изменит. А двумя нелюдями на земле меньше станет.*

СРЕБРОБОРОДЫЙ МОНАХ. *А ты грехи свои, Константин, не считай! Есть, кому посчитать: Господь всё сочтёт... У Него свой счёт. А Саенок не убивай.*

(Указывает пальцем вверх.)

Твоя егоза оттуда всё увидит и не одобрит... Я знаю... Чего ты ей потом скажешь?

Соколов опускается на стул и закрывает лицо руками.

**СЦЕНА 23. КАЛУЖСКАЯ ГУБЕРНИЯ, СЕЛО БЕЛКИНО.
ХРАМ БЛАГОВЕРНЫХ КНЯЗЕЙ БОРИСА И ГЛЕБА,
В КОТОРОМ ТЕПЕРЬ СЛУЖИТ ОТЕЦ ПЁТР. Июнь 1919-го года.**

Сначала камера показывает каменную усадебную церковь снаружи, потом проникает внутрь. Закончено чинопоследование венчания. На клиросе мужчина и две женщины из местных крестьян ещё поют «Многая лета!». С иконами в руках стоят жених и невеста: ИГНАТ (в костюме с чужого плеча, который плохо на нём сидит) и АГАФЬЯ (в белом платье). Из алтаря выходит ОТЕЦ ПЁТР с ковчежцем Патриарха в руках, открывает его.

Храм благоверных князей Бориса и Глеба в Белкине.

ОТЕЦ ПЁТР. *А теперь, нововенчанные, приложитесь к святыне.*

АГАФЬЯ (тихо, медовым голосом). *Игнатушка, иди, приложись.*

ИГНАТ. *Это чаво там такое?*

АГАФЬЯ (так же тихо, но командирским голосом). *Иди, говорю, цалуй! Тебя не спросили, чаво!*

ИГНАТ. *Да, иду я... Чаво взъелась?*

Передаёт свою икону Агафье, подходит к мощам, опускается на колени, истово крестится.

СЦЕНА 24. БЕЛГОРОД. БАЗАРНАЯ ПЛОЩАДЬ. Через два дня.

На площади между водяным баком и тополевой аллеей, ведущей к Преображенскому собору, построена виселица. Перед ней стоят несколько большевиков, в том числе ВЛАДИМИР САЕНКО (с разбитым лицом, в разодранной одежде). К нему прижимается его любовница – совсем молоденькая рыженькая ГИМНАЗИСТОЧКА (в мужском пиджаке, накинутом на лёгонькое платьице; глаза заплаканы). Рядом выстроен караул из солдат-корниловцев во главе с ПОРУЧИКОМ. Вокруг толпа горожан. Среди них СОКОЛОВ и ТАЛОЧКА. Из толпы слышатся приглушённые голоса.

Базарная площадь в Белгороде. На заднем плане - Преображенский собор, справа - Тихвинская церковь (уничтожена).

1-й МУЖСКОЙ ГОЛОС. *Отольются кошке мышкины слёзки... Скольких людей этот Саенко загубил.*

1-й ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. *Говорят, это они с братухой епископа Никодима постреляли.*

2-й ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. *И девочку молоденькую, Ольги Соколовой невестку...*

2-й МУЖСКОЙ ГОЛОС. *Четвертовать его мало! А рядом-то с ним, что за девка?*

1-й ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. *Полюбовница евоная. Фёдора Федулова Танька. Молоко на губах не обсохло, а туды же...*

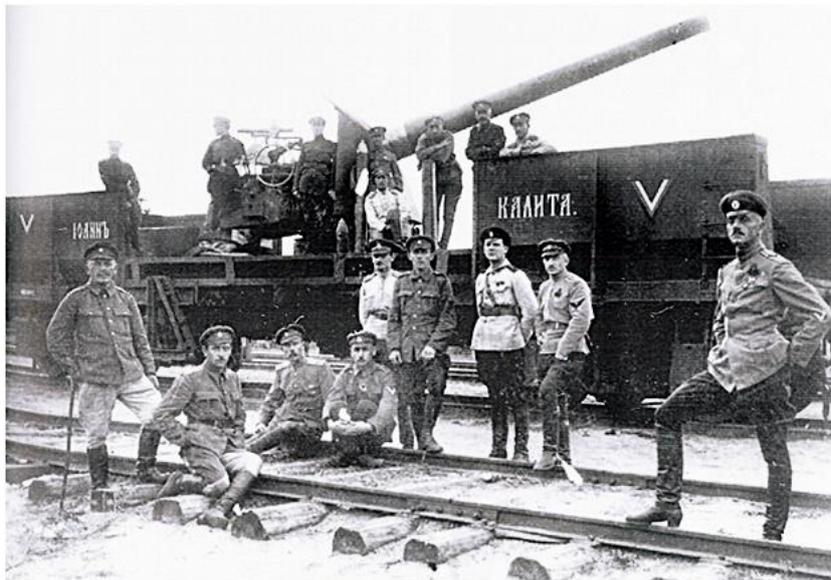
2-й ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. *Лахудра!*

2-й МУЖСКОЙ ГОЛОС. *И эту девку загубил, супостат...*

Слышно, как поручик заканчивает зачитывать приговор.

ПОРУЧИК. *...Названных лиц приговорить к повешению...*

ВЛАДИМИР САЕНКО (кричит). *Радуйтесь, гады! Вешайте! Не долго вам верховодить! Снова придёт наша рабоче-крестьянская власть, сотрёт всех вас в мелкий порошок!*

Белые в освобождённом Белгороде. Бронепоезд «Иоанн Калита».

1-й МУЖСКОЙ ГОЛОС. *Никогда она больше не придёт! Амба!*

1-й ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. *Не нужна она нам, твоя треклятая власть, убийца!*

ГИМНАЗИСТОЧКА (истерически кричит, простирая руки вперёд). *Я умираю за любовь! У вас нет любви! А у меня есть!*

(Обвивает руками шею Саенки и декламирует.)

*Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа – верна,
И любим мы одной любовью...
Любовь одна, как смерть одна.⁶*

Гимназисточка бьётся в истерике. Камера показывает Соколова и Талочку, стоящих в толпе.

ТАЛОЧКА (с надрывом). *Костя, зачем? Зачем ты отдал им эту девочку? Она-то в чём виновата?*

СОКОЛОВ. *Там, в подземных ходах, где пряталась вся эта сволочь, некогда было их сортировать. Они отстреливались. И эта твоя невинная девочка, между прочим, в меня стреляла...*

(Тихо после паузы.)

Жаль, плохо стреляла...

Талочка повышает голос, на них начинают оглядываться.

ТАЛОЧКА (не слыша его). *Всё равно, всё равно! Как ты с этим будешь жить?*

СОКОЛОВ (глухо и медленно). *Я вообще не знаю, как теперь буду жить...*

ТАЛОЧКА. *Я не о Вареньке... Об этой, о гимназисточке.*

(В истерике колотит Соколова кулаком по плечу.)

Ты!.. ты!.. ты!..

Талочка падает без чувств. Соколов подхватывает её на руки, несёт к аллее, сажает около тополя, склоняется над ней, щупает пульс. Талочка приходит в себя, осматривается, встряхивает головой, останавливает взгляд на Соколове.

ТАЛОЧКА (тихо и медленно). *Костя... Прости меня... дуру... истеричку. Ты ни в чём, конечно же, не виноват. Прости! Слышишь?*

СОКОЛОВ. *Успокойся, Талочка. Нечего тут и прощать. От такого зрелища у кого хочешь нервы сдадут. Не надо было сюда вовсе идти.*

ТАЛОЧКА. *Не знаю, что со мной случилось... А впрочем, знаю... Костя... я беременна... у нас с Глебом будет ребёнок...*

СОКОЛОВ. *Вот как! Что ж, поздравляю!*

(Целует Талочку в щёку.)

А Глеб знает?

(Талочка отрицательно крутит головой.)

Ладно, будущая мамаша, посиди тут немножко, я сбегаю за извозчиком.

Соколов быстро идёт по аллее. Талочка некоторое время сидит в задумчивости, потом счастливо улыбается.

СЦЕНА 25. СЕЛО БЕЛКИНО. УСАДЕБНЫЙ ПАРК ЗА ХРАМОМ БОРИСА И ГЛЕБА.

⁶ Э.Н. Гиппиус «Любовь – одна».

По парку прогуливаются ОТЕЦ ПЁТР (уже в подряснике) и ИГНАТ.

Усадебный парк в Белкине.

ОТЕЦ ПЁТР. *Что ж, раб Божий Игнатий, забрал ты мою Агафью Лукинишну, теперь береги её.*

ИНГАТ. *Само собой... Только когда беречь-то? Еду я завтра, и так уж отпуск просрочил... Агафье Лукинишне и не сказывал ишшо...*

(Улыбается.)

Выходит, вы тут друг дружку берегите... А я с Глеб Петровичем, как допрежде, на Карпатах, воевать пойду...

ОТЕЦ ПЁТР. *Когда же твой командир с Наталией венчаться будут? Живут друг с другом, как нехристи...*

ИНГАТ. *Всё времени, отец Пётр, нету. Он – здесь, она – там, он – там, она – здесь. Война...*

ОТЕЦ ПЁТР. *Для святого дела всегда время найдётся... Переживаю я...*

ИНГАТ. *Будьте покойны, отец Пётр, передам Глеб Петровичу приказ: венчаться, и всё тут.*

(Улыбается, разглаживая усы.)

Пуцай вон хоть с меня пример берёт.

Подходит сияющая Агафья.

АГАФЬЯ (разводя руками). *Что ж, теперь можно честным тирком, да и за свадебку. Стол накрыт.*

КОНЕЦ ВОСЬМОЙ СЕРИИ